

ЭВА РЕНАР

ТЫ НЕ ДОЛЖЕН
БЫЛ ЕЁ УВИДЕТЬ

Эва Ренар

Ты не должен был ее увидеть

Серия «Легенды Тарвы», книга 1

<https://litres.ru/74189249>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Велине имя человека доверяют Тарве дважды: при рождении, чтобы древняя река запомнила его живым, и после смерти — чтобы отпустила. Но имя Арена отзывается в её водах дважды, словно однажды он уже пересёк границу, за которую живые не возвращаются.

В ночь Ивана Купала Арен встречается Эйру — хранительницу дальнего берега, которую никто из людей не должен был увидеть. Пытаясь понять, почему Тарва зовёт его по имени, он узнаёт тайну собственного рождения и обнаруживает, что его жизнь связана с родовым полотном, древним обрядом и Альной — девушкой, чьё имя появилось рядом с его задолго до того, как они смогли выбрать друг друга сами. Теперь Эйре предстоит распутать созданный много лет назад узел, а Арену — решить, можно ли противиться судьбе, если от неё зависит не только любовь, но и сама его жизнь.

«Ты не должен был её увидеть» — атмосферное романтическое фэнтези о славянских обрядах, древней

реке, медленно рождающемся чувстве и выборе между предназначением и собственным сердцем.

Эва Ренар

Ты не должен был ее увидеть

Глава первая

По ту сторону Тарвы

В Велине говорили, что Тарва текла прежде людей и будет течь после них.

Она помнила времена, когда на высоком берегу не стояло ни одного дома, не дымились печные трубы и не звенел по утрам кузнечный молот. Вода свободно разливалась между холмами, касалась корней древних ив и несла на юг талый снег с земель, названий которых никто в Велине не знал.

Потом на её берегу появились люди.

Они не считали, что выбрали это место сами.

Старое предание рассказывало, что первые поселенцы долго шли через леса, пока однажды ночью не услышали воду. На рассвете они вышли к Тарве и увидели над рекой белый туман, сквозь который поднималось солнце. На влажном песке лежала большая серебристая рыба — ещё живая, хотя вода отступила от неё на несколько шагов.

Люди вернули рыбу в реку.

В тот же вечер они поставили на высоком берегу первые шатры, а позднее возвели дома, расчистили поля и построили

ли мельницу там, где течение было особенно сильным.

Так появился Велин.

Его жители верили, что Тарва позволила им остаться.

Она кормила поселение, поила луга, несла лодьи к дальним городам и возвращала путников домой. В её заводях дети учились плавать, на мелководье женщины полоскали холсты, а рыбаки перед первым выходом касались воды ладонью и называли имена тех, кто ждал их на берегу.

Так Тарва знала, кого следовало вернуть.

Жизнь каждого велинца начиналась возле реки.

На девятый день после рождения мать или старшая женщина рода приносила младенца к воде. Летом — прямо на берег, зимой — в тёплый дом, куда заранее вносили кувшин воды из незамерзающего родника под старой ивой.

Ребёнка раздевали, омывали речной водой и впервые произносили над ним имя.

Не громко.

Только так, чтобы слышали род и Тарва.

Несколько капель оставляли на лбу и груди младенца, а старшая женщина говорила:

— Прими нового живого. Запомни его имя и не зови прежде срока.

Лишь после этого имя можно было произносить за пределами дома.

Умирали в Велине тоже под голос Тарвы.

Тело обмывали её водой, смывая следы последней болез-

ни, дальней дороги или долгой старости. На грудь умершему клали гладкий речной камень, чтобы душа не забыла путь к берегу, если задержится между мирами.

Перед погребением старший в роду называл имя покойного в последний раз и произносил:

— Ты знала его живым. Узнай теперь ушедшим.

Так Тарва принимала человека дважды.

В начале жизни — чтобы запомнить.

В конце — чтобы отпустить.

Поэтому велинцы не говорили, что река спит, даже зимой, когда лёд становился толще человеческой ладони. Не называли её доброй, если вода была спокойна, и не проклинали, когда она поднималась до нижних домов.

Тарве кланялись.

Перед первым посевом ей отдавали горсть зерна. Перед дальней дорогой оставляли хлеб. После удачной охоты опускали в воду первые капли крови добытого зверя. Если река забирала лодку, улов или человека, её не обвиняли вслух.

У воды была долгая память.

Старики утверждали, что Тарва помнит первое дыхание каждого младенца, последнее слово каждого умирающего и все клятвы, данные на её берегу.

Особенно нарушенные.

Велин стоял на ближнем берегу — большое поселение, если спрашивать велинцев, и довольно скромное, если верить приезжим из княжеских городов.

Дома здесь строили из тёмного дерева. Крыши покрывали тёсом и прижимали длинными жердями, чтобы зимний ветер не унёс их в лес. За домами тянулись огороды, амбары, сушильни и скотные дворы. Верхнюю улицу занимали ремесленники и торговцы. Ниже, ближе к воде, жили рыбаки, лодочники и семьи тех, кто работал на мельнице.

От Велина расходились три дороги. Одна вела к пастбищам, другая — через поля в соседние земли, а третья исчезала в лесу и использовалась так редко, что к середине лета почти полностью зарастала папоротником.

По размерам с общим домом могло сравниться разве что конюшенное подворье отца Арена.

Не то чтобы человек мог по-настоящему владеть лошадьми — сами лошади об этом явно не знали. Но отец Арена разводил их, объезжал, продавал и отдавал в работу, поэтому его называли коневладельцем, когда хотели выказать уважение, и старым конюхом, когда были ему должны.

Арен предпочитал второе.

На другом берегу Тарвы не было ни домов, ни пашен, ни дорог.

Там начиналась высокая трава. За ней стояли ивы с длинными серыми ветвями, а почти сразу за ивами поднимался лес. Деревья росли тесно, словно не хотели пропускать человека в глубину.

Днём тот берег казался просто пустым.

В сумерках — чужим.

Велинцы переправлялись туда за редкими травами, грибами и древесиной, но старались вернуться до заката. Никто не мог толком объяснить почему. Одни говорили о болотах, другие — о волках. Третьи отвечали, что умный человек не обязан совать голову во всякую тёмную чашу, чтобы доказать отсутствие там нечистой силы.

Особенно не смотрели на дальний берег в ночь Купалы.

Именно поэтому каждому хотелось хотя бы раз это сделать.

• • •

С самого утра Велин готовился к празднику.

На нижнем лугу ставили длинные столы, приносили скамьи и готовили ямы для костров. Дети таскали хворост, попутно колотя им друг друга, пока взрослые не отнимали ветки и не отправляли маленьких помощников собирать цветы.

Пользы от этого тоже было немного: половина цветов оказывалась затоптана, другая исчезала в волосах тех же детей.

Женщины пекли хлеб, нарезали сыр, перебирали ягоды и варили густой напиток из мёда и трав. Над домами стояли запахи дыма, свежего теста, мяты и нагретого солнцем дерева.

Парни укрепляли помост у воды и спорили, какое из брёвен кривее. Старшие мужчины наблюдали из тени и время от времени сообщали, что раньше молодёжь умела работать. Молодёжь соглашалась: раньше и деревья, вероятно, росли прямее.

Девушки собирались во дворах, плели венки и обсуждали всё, что случилось в Велине за последний год, включая события, о которых их участники ещё не успели узнать.

Во дворе Альны пахло яблоневыми листьями, мятой и зверобоем.

Она сидела на низкой деревянной скамье, поджав под себя ногу, и в четвёртый раз пыталась вплести в венок тонкий жёлтый стебель. Стебель ломался. Альна хмурилась, отбрасывала его и брала следующий с таким выражением, будто между ними шла давняя личная вражда.

— Не затягивай так сильно, — посоветовала Илва, сидевшая на траве напротив. — Твой суженый ещё до свадьбы задохнётся.

— Если он не переживёт один венок, мужем будет слабым, — ответила Альна.

— Даже сильным мужчинам иногда нужен воздух.

— Это пока никем не доказано.

Девушки рассмеялись.

Их собралось шестеро. Вокруг лежали охапки полыни, мяты, васильков и мелких белых цветов. Одна девушка выбирала для венка только светлые, считая их знаком чистых намерений. Другая вплела столько красных ягод, что её работа больше напоминала праздничный пирог.

Илва добавила в свой венок крапиву.

— Чтобы будущий муж заранее понимал, с кем имеет дело, — объяснила она.

— Увидев венок, он сбежит, — сказала Альна.

— Значит, судьба избавит меня от труса.

— А тебе вообще зачем гадать? — спросила одна из девушек у Альны. — У тебя всё давно известно.

— Может, я хочу проверить.

— Тарва обидится.

— Почему?

— Решит, что родовому рушнику ты доверяешь больше, чем ей.

— Так и есть.

— Тогда зачем плетёшь венок?

Альна оглядела собственную работу. Венок был неровным, но крепким. Среди зелёных листьев желтел зверобой и синели три крупных василька.

— Чтобы река не подумала, будто я её совсем не уважаю.

— Очень предусмотрительно.

— Я вообще предусмотрительная.

Илва фыркнула:

— Особенно когда полезла на крышу за кошкой и не смогла слезть.

— Я слезла.

— Тебя снял Арен.

— Значит, всё было предусмотрено правильно.

Подруги дружно застонали.

Альна улыбнулась и опустила взгляд на венок.

Певцы едва ли стали бы сравнивать внешность Альны с

первым снегом, драгоценными камнями или молоком — и хорошо, потому что ни одно из этих сравнений ей не подходило.

Волосы у неё были густые, каштановые, с золотистыми прядями, особенно заметными на солнце. Тяжёлая коса доходила почти до пояса. На переносице и щеках рассыпались веснушки, а глаза меняли цвет в зависимости от света: то казались ореховыми, то приобретали зеленоватый оттенок.

Лицо было открытым и живым: чуть широковатые скулы, прямые брови, упрямый подбородок. Когда Альна улыбалась по-настоящему, возле левого глаза появлялась маленькая складка.

Арен обычно замечал её раньше самой улыбки.

Он вообще знал об Альне множество вещей.

Он знал, что Альна не ест подгоревшую корку, но всё равно оставляет её напоследок, будто надеется передумать. Что злится быстро, а прощает ещё быстрее — если человек не пытается выпросить прощение. Что боится грозы, но никогда в этом не признаётся. И что, когда волнуется, перебирает пальцами край рукава.

Сейчас она именно это и делала.

— Он придёт, — сказала Илва.

— Кто?

— Конь. Очевидно же, кого ты ждёшь.

— Я никого не жду.

— Тогда зачем уже третий раз смотришь на ворота?

— Проверяю, хорошо ли они стоят.

— И как?

— Пока держатся.

Илва наклонилась ближе:

— Может, Арен решил, что ему и на праздник приходить необязательно. Рушник уже всё сделал за него.

Альна посмотрела на подругу чуть резче, чем собиралась.

В детстве история с рушником казалась ей красивой.

Родовое полотно хранилось в доме старшей женщины семьи Арена, в тяжёлом сундуке под слоями белого льна и сухих трав. Его разворачивали только в особые дни: при рождении ребёнка, заключении брака или смерти того, чьё имя было на нём вышито.

Никто уже не помнил, кто начал эту работу. Края полотна потемнели от времени, некоторые старые имена почти стёрлись, а новые, по рассказам старших, появлялись сами — иногда медленно, по одному стежку, иногда за одну ночь.

Имя Арена проступило вскоре после его рождения.

Имя Альны обнаружили семь лет спустя, когда рушник достали для похорон его матери.

Она принадлежала другому роду, но её имя лежало рядом с именем Арена. Красная нить входила в узор, похожий одновременно на переплетённые ветви и речное течение.

Старшие женщины увидели в нём брачный знак.

Так, во всяком случае, эту историю рассказывали Альне. С того дня её будущее стало известно всему Велину.

Сначала это её радовало. Арен был старше на два года, умел лазить на самые высокие деревья и однажды ударил мальчишку, который бросил в Альну ком грязи.

Позже выяснилось, что ударил он его потому, что грязь попала ещё и на его новую рубашу. Но к тому времени Альна уже успела счесть происшествие доказательством глубокой преданности.

Они росли рядом.

Привыкли друг к другу.

Велинцы говорили об их свадьбе так, будто она уже состоялась, просто гости пока не успели собраться.

Альна любила Арена — или была почти уверена, что именно так называется чувство, когда ждёшь знакомых шагов, узнаёшь голос среди десятка других и первым делом ищешь человека глазами, входя в переполненный дом.

Но иногда ей хотелось, чтобы он выбрал её сам.

Не из-за красной нити на старом полотне, не по решению родов и не потому, что их общая жизнь уже была расставлена перед ними, словно миски на праздничном столе.

Ей хотелось однажды услышать, что Арен останется с ней, даже если рушник истлеет, а нить исчезнет.

Арен ничего подобного не говорил.

К их будущему он относился спокойно — как к приходу зимы или работе в конюшнях. Всё наступит в положенное время, и тревожиться заранее не имело смысла.

Иногда Альна завидовала этому спокойствию.

— Я не жду его, — повторила она.

— Конечно.

— И на ворота не смотрю.

— Уже нет. Теперь на дорогу.

Альна бросила в Илву васильком.

Та поймала его и торжественно вплела в свой венок.

— Вот увидишь, Тарва пошлёт мне твоего Арена.

— Возвращать будешь сама.

— Сначала проверю, пригоден ли он для хозяйства.

— Для хозяйства пригоден. В разговоре временами бесполезен.

— Значит, идеальный муж.

На этот раз Альна рассмеялась вместе со всеми.

Когда смех утих, она снова посмотрела на дорогу.

Ворота по-прежнему стояли хорошо.

Арен не появлялся.

• • •

Он был в дальнем загоне.

Молодой гнедой жеребец метался вдоль ограды, вскидывал голову и бил копытом по земле. На тёмной шкуре блестяла пена. Дышал он тяжело, хотя с самого утра его никто не выводил на работу.

Накануне жеребец сорвался с привязи на дальнем пастбище. Нашли его только на рассвете возле старого брода. Верёвка на шее была оборвана, на груди тянулась длинная царапина, а ноги до колен покрывала речная грязь.

Отец Арена первым попытался подойти к нему и едва не получил копытом в плечо.

После этого он прибегнул к старинному способу укрощения испуганных лошадей — отправил за сыном.

Арен вошёл в загон без хлыста и верёвки.

Он был выше большинства велинских мужчин и заметно шире в плечах. Сильные руки дала ему работа, начавшаяся раньше, чем он научился убедительно на неё жаловаться.

За лето кожа потемнела от солнца. Тёмно-русые волосы Арен обычно подрезал ножом сам, поэтому они лежали неровными прядями и постоянно падали на лоб. Черты лица были правильными, но не мягкими: прямой нос, чёткая линия скул, тёмные брови. На подбородке белел небольшой шрам — память о первом жеребце, которого он решил объездить без разрешения взрослых.

Особенно людям нравились его глаза.

Серые, с тёплым карим ободком вокруг зрачка, они казались насмешливыми даже тогда, когда сам Арен шутить не собирался.

Арен об этом знал и пользовался без стыда.

— Не загоняй его к стене, — сказал отец, стоя за оградой.

— Не буду.

— Не подходи сзади.

— Знаю.

— Может укусить.

— Знаю.

— И ударить.

Арен обернулся:

— Ты хочешь помочь или перечисляешь способы, которыми я могу умереть?

— Хочу, чтобы ты потом не говорил, будто я не предупреждал.

— Если он меня убьёт, я обязательно учту.

Отец нахмурился, но уголок рта у него дёрнулся.

Арен снова повернулся к жеребцу.

Он не смотрел коню прямо в глаза. Шёл медленно, чуть боком, держа руки на виду. Под сапогами тихо хрустела сухая земля.

Гнедой отступил.

Арен остановился.

— Тише, — произнёс он. — Никто тебя здесь не тронет.

Жеребец всхрапнул.

— Кроме моего отца. Он с утра особенно кровожаден.

— Я всё слышу, — сообщил отец.

Ухо жеребца дрогнуло.

Арен осторожно протянул ладонь.

Прошло несколько долгих ударов сердца. Конь вытянул шею, втянул воздух и коснулся губами его пальцев.

— Вот так, — тихо сказал Арэн. — Умнее некоторых.

— Я всё ещё слышу.

Арен подошёл ещё на шаг, провёл ладонью по морде жеребца, затем по шее. Шкура была горячей от солнца, но под

гривой чувствовался странный холод.

Не прохлада пота — настоящий речной холод, словно конь только что вышел из глубокой воды.

Арен нахмурился.

— Где именно вы его нашли?

— У старой ивы возле брода.

— Следы были?

— Его следы.

— Человеческие?

Отец помолчал.

— Не заметили.

На груди жеребца возле царапины прилип узкий тёмно-зелёный лист. Арэн осторожно снял его.

Лист был длинным, с серебристой изнанкой и мелкими прожилками, похожими на тонкие нити. В окрестностях Велина такие растения не росли. По крайней мере, Арэн никогда их не видел.

— Это откуда?

Отец взглянул через ограду.

— Трава.

— Это лист.

— Тем более.

— У нас таких нет.

— Значит, есть. Просто до сегодняшнего дня ты жил несчастным человеком, не знающим всех местных листьев.

Арен повертел находку между пальцами.

От неё пахло водой и чем-то горьким, почти металлическим.

— Может, с другого берега.

Отец перестал улыбаться.

— Может.

Они оба посмотрели в сторону реки, хотя из-за домов её не было видно.

В Велине не считалось постыдным бояться некоторых вещей. Постыдным было говорить о страхе слишком громко и привлекать внимание того, чего боишься.

Отец первым отвернулся.

— Запри его в дальнем стойле. После праздника посмотрим ещё раз.

— Сегодня кто-нибудь останется в конюшнях?

— Сегодня весь Велин будет у воды.

— Я могу остаться.

— И позволить Альне всю ночь гадать, куда ты пропал?

— Она знает, где я.

— Женщина может знать, где мужчина, и всё равно сердиться, что его там нет.

Арен усмехнулся:

— Ты поэтому никогда не женился второй раз?

— Я поэтому до сих пор жив.

Арен положил лист на верхнюю перекладину ограды и занялся жеребцом.

Когда через несколько минут он снова поднял глаза, листа

уже не было.

Наверное, его унесло ветром.

Хотя воздух оставался неподвижным.

• • •

К вечеру Велин изменился.

Рабочие дворы опустели, на улицах зажглись первые огни. Девушки вышли из домов в светлых рубахах с вышитыми воротами, длинных юбках и широких тканых поясах. Незамужние распустили волосы или заплели одну косу, украсив её лентами и цветами.

Мужчины вынесли к реке кувшины с мёдом, копчёную рыбу, сыр и круглые караваи. Кто-то принёс бубен, кто-то — свирель. На нижнем лугу сложили три костра. Самый высокий предназначался для огненного колеса, которое в конце обряда должны были пустить с холма прямо в воду.

Арен появился, когда девушки уже начали поглядывать на дорогу чаще, чем на свои венки.

Он успел вымыться и переодеться. Чистая льняная рубашка сидела на нём непривычно хорошо, хотя рукава всё равно пришлось закатать: Арен утверждал, что длинная ткань мешает ему жить. Волосы он пригладил водой, но одна прядь почти сразу упала на лоб.

Альна увидела его раньше остальных.

Она не помахала.

Только выпрямилась и поправила зелёную ленту в косе.

Арен подошёл, поздоровался с девушками и оглядел вен-

ки.

— Какой твой?

— Угадай, — предложила Альна.

Он безошибочно указал на самый крепкий и немного перекошенный.

— Этот.

— Почему?

— Остальные выглядят так, будто их плели для красоты.

Подруги прыснули.

Альна прищурилась:

— А мой?

— Твой переживёт зиму.

— Я старалась.

— Вижу.

Она ткнула его венком в грудь.

Арен поймал Альну за запястье прежде, чем она успела отдёргнуть руку.

Они ненадолго замолчали.

Пальцы у него были тёплые, ладонь шершавая. На тыльной стороне руки темнела свежая царапина.

— Это жеребец? — спросила Альна.

— Ветка.

— Ветка в конюшне?

— Очень злая.

— Я могу приложить траву.

— Ты хочешь вылечить царапину или отомстить за венок?

— Одно другому не мешает.

Арен отпустил её не сразу.

— Позже, — сказал он.

Альна кивнула.

В такие минуты Альна почти не сомневалась ни в рушнике, ни в будущем, ни в том, что однажды они будут стоять рядом уже не на празднике, а у порога собственного дома.

Ей только хотелось, чтобы таких минут было больше.

Громкий крик со стороны воды разорвал вечер.

— Человек в реке!

Музыка оборвалась.

Люди повернулись к берегу.

В камышах ниже старого брода действительно мелькнуло что-то белое. Течение то показывало округлое плечо, то прятало его под водой.

Женщина возле костра вскрикнула и позвала сына.

Началась короткая, страшная суета.

Кто-то бросился считать детей. Кто-то побежал вдоль берега. Несколько мужчин вошли в воду.

Арен сорвал рубаху через голову и прыгнул с низкого уступа, не дожидаясь верёвки.

Тарва сомкнулась над ним.

Он вынырнул возле камышей, ухватил белую ткань и потянул к себе. Она поддалась неожиданно легко.

Из воды появилась круглая соломенная голова с нарисованными углём глазами.

Берег замолчал на несколько ударов сердца.

Затем кто-то хрюкнул от смеха.

Арен вытащил на мелководе купальское чучело. Оно было одето в старую женскую рубаху, один рукав которой течение почти полностью сорвало.

— Нашли утопленницу, — сообщил мужчина с берега. — Невеста тебе, Арен.

— Молчали бы, — ответил он, вытирая воду с лица. — Я ради неё новую рубаху намочил.

За спинами взрослых начали медленно отступать несколько мальчишек.

Отец одного из них заметил движение:

— Стоять.

Мальчишки замерли.

— Чьё чучело?

— Общее, — сказал самый маленький.

— Значит, и наказание будет общим.

— Оно само уплыло.

— А в лодку оно тоже само забралось?

Мальчик задумался:

— Возможно.

По берегу прошёл облегчённый смех. Женщина, уже успевшая решить, что в реке её сын, сперва прижала ребёнка к себе, а затем отвесила ему подзатыльник за то, что он не отозвался сразу.

Праздник постепенно ожил.

Кто-то предложил оставить чучело в воде, раз уж оно так стремилось утонуть. Другие говорили, что после такого его непременно нужно сжечь, иначе ночью оно вернётся и попросит досушить рубаху.

Арен выбрался на берег.

Вода стекала по волосам, плечам и груди. От холода кожа покрылась мурашками, хотя вечер оставался тёплым.

Альна протянула ему рубаху.

— Когда-нибудь ты сначала подумаешь, а потом прыгнешь?

— Если сначала думать, человек может успеть утонуть.

— Сегодня это была солома.

— Солома тоже заслуживает спасения.

— Особенно если она одета лучше тебя.

Арен посмотрел на мокрое чучело.

— С этим трудно спорить.

Альна накинула рубаху ему на плечи.

Её пальцы задержались возле его шеи.

— Я испугалась, — сказала она тише.

Арен перестал улыбаться.

— Я умею плавать.

— Тарве всё равно, что ты умеешь.

Он хотел возразить, что река знает его с рождения, что её водой его омыли, прежде чем впервые назвать по имени.

Но почему-то вспомнил холод под гривой жеребца и незнакомый зелёный лист.

— Всё хорошо, — сказал он.

Альна кивнула.

Однако взгляд её ещё долго оставался тревожным.

• • •

Когда солнце коснулось верхушек леса, жители Велина выстроились вдоль берега.

Шум постепенно стих.

К воде вышла хранительница родов — пожилая женщина в тёмном покрывале, опиравшаяся на посох из светлого дерева. Она хранила память не одного семейства, а всего поселения: знала, кто кому приходился роднёй, какие обещания давали умершие и за какие старые проступки живые до сих пор расплачивались плохими урожаями, больными детьми или несчастливыми браками.

В руках она держала деревянную чашу с зерном.

Рядом шли две девочки. Одна несла хлеб, другая — кувшин молока.

Хранительница остановилась там, где вода касалась песка.

— Тарва, текущая прежде нас, — сказала она.

Голос был негромким, но слышали все.

Она зачерпнула зерно и бросила его в реку.

— Прими то, что выросло у твоих берегов.

В воду опустили хлеб.

— Тарва, несущая наши лодьи, напои поля, сохрани дома и верни тех, кто уйдёт по твоему течению.

Девочка вылила в воду молоко. Белое облако расплылось

между камнями, на мгновение задержалось и растворилось.

— Тарва, помнящая имена, не отвернись от Велина.

Люди склонили головы.

Теперь каждый должен был вспомнить свой род.

Не только тех, кого любил, но и тех, чьи лица знал лишь по рассказам: кто построил первый дом, умер на чужой земле, пропал в лесу или не вернулся с войны; кто оставил после себя доброе имя и кто — долги, доставшиеся потомкам.

Арен вспомнил мать.

Она умерла, когда он был ребёнком. От неё осталось немного: тканый пояс в сундуке, бронзовая застёжка и запах сухой мяты, который иногда чудился ему в конюшнях.

Лица он почти не помнил.

Это пугало его сильнее самой смерти.

Рядом стояла Альна. Её рукав касался его руки. Она закрыла глаза, губы беззвучно шевелились, перечисляя имена.

Арен подумал, что однажды она станет частью его рода не только на полотне. Её имя будут произносить рядом с его, а их дети станут стоять на этом берегу и вспоминать обоих.

Мысль была спокойной и правильной.

Она должна была согреть.

Хранительница ударила посохом о землю.

Музыка вспыхнула разом.

Зажгли костры.

• • •

Сначала танцевали дети.

Они носились вокруг огня, размахивали руками и падали чаще, чем требовал танец. Потом к ним присоединились девушки, за девушками — парни. Над лугом зазвучали свирели, бубны и песни.

В мёд кто-то добавил слишком много трав. После второй чаши мужчины начинали говорить громче, после третьей — вспоминать подвиги молодости, которых свидетели почему-то не помнили.

Через костёр прыгали по одному и парами.

Считалось, что пламя очищает от дурного, укрепляет связь и показывает, кому суждено пройти год вместе. Если пара разжимала руки над огнём, старухи начинали многозначительно переглядываться. Если не разжимала — переглядывались ещё многозначительнее.

Альна нашла Арена у стола с мёдом.

— Пойдём.

— Куда?

— В огонь.

— Звучит угрожающе.

— Испугался?

— Я сегодня уже спас одну женщину. Мне полагается отдых.

— Она была набита соломой.

— Не всем везёт с характером.

Альна протянула руку.

Арен посмотрел на неё.

В свете костра волосы Альны отливали рыжим, глаза блестя, а на щеках проступил румянец. Она выглядела счастливой — не потому, что от неё этого ждали, а просто рядом с ним.

Счастливой рядом с ним.

Арен взял её за руку.

Они разбежались.

Пламя поднялось навстречу, жар обжёг ноги. Мир на один короткий миг сократился до огня, крепко сжатых пальцев Альны и полёта.

Приземлились они одновременно.

Люди закричали и захлопали.

— Даже рук не разжали! — громко объявила Илва.

— Он просто вцепился от страха, — ответила Альна.

— Я боялся, что ты упадёшь.

— Как благородно.

— И потянешь меня за собой.

Она толкнула его плечом.

Позже с вершины холма пустили горящее колесо. Оно покатилося вниз, рассыпая искры, подпрыгнуло на камне и с шипением вошло в Тарву.

Над рекой поднялся пар.

Люди славили воду, землю и род. Поднимали чаши за тех, кто жил прежде, за тех, кто родился в этом году, и за тех, кто ещё только должен был прийти.

Когда небо окончательно потемнело, девушки принесли

венки.

• • •

В каждый венок поставили маленькую восковую свечу.

Девушки опустились у воды. Свет падал на их лица снизу, делая знакомые черты странными и почти неземными.

Альна держала венок обеими руками.

Теперь он нравился ей меньше, чем днём. Один василёк уже выпал, а зверобой торчал в разные стороны.

— Тарва может решить, что ты ей угрожаешь, — шепнула Илва.

— Пусть знает, что я настроена серьёзно.

— О чём просить будешь?

Альна посмотрела туда, где стоял Арен.

Он разговаривал с друзьями, но в этот момент повернул голову, будто почувствовал её взгляд.

И улыбнулся.

У Альны болезненно и радостно сжалось сердце.

— О хорошем годе, — сказала она.

— И всё?

— И всё.

Но, опуская венок в воду, попросила не об урожай.

Она попросила, чтобы Арен однажды посмотрел на неё не как на часть своей заранее известной жизни.

Чтобы хотя бы один раз выбрал её.

Хранительница подняла руку.

— Тарва, прими наши дары, — произнесли девушки. —

Дай земле силу, дому достаток, роду продолжение, а сердцу — верную дорогу.

Они отпустили венки.

Течение подхватило их.

По чёрной воде поплыли десятки маленьких огней. Одни держались возле берега, другие быстро уходили к середине. Ниже по течению парни смеялись, заходили в воду и вылавливали венки тех девушек, которым хотели показать своё расположение.

Венок Альны плыл ровно.

Она уже начала улыбаться, когда венок внезапно остановился.

Не запутался в траве, не ударился о камень — просто замер посреди течения.

Огонёк дрогнул. Венок медленно повернулся вокруг себя — один раз, другой, — а затем двинулся не вдоль берега, а к середине Тарвы.

— Смотри, — прошептала одна из девушек.

Альна и сама видела.

— Течение, — сказала она.

— Конечно.

— Там водоворот.

— Конечно.

Илва говорила слишком быстро.

Арен стоял ниже по течению. Венок должен был пройти рядом с ним.

Альна поднялась:

— Арен!

Он посмотрел на воду.

— Поймай!

— Зачем?

— Потому что так положено!

— Я думал, всё уже вышито.

С берега засмеялись.

Альна упёрла руки в бока:

— Поймай венок, пока я не попросила Тарву утопить тебя вместо него!

Арен вошёл в воду.

Но венок неожиданно ускорился, прошёл в нескольких шагах от его руки и ушёл к тёмной середине.

Свеча продолжала гореть.

— Не судьба, — заметил один из парней.

Альна бросила на него такой взгляд, что он предпочёл заняться чужим венком.

Арен вышел из воды.

— Я потом найду его.

— Где?

— Ниже по течению.

— Он уплывёт.

— Тарва знает, куда несёт.

Почему-то эти слова не успокоили Альну.

Она смотрела на удаляющийся огонёк, пока тот не сме-

шался с остальными.

• • •

После гадания парни решили купаться.

Решение возникло само собой, как обычно возникают самые глупые мужские решения: один сказал, что вода холодная, другой ответил, что холодной она кажется только трусам, а третий предложил проверить.

Через несколько минут половина молодых мужчин Велины уже стояла у берега без рубашек.

— До заводи и обратно, — предложил кто-то.

— До середины.

— До дальнего камня.

— До другого берега, — сказал самый хмельной.

Все посмотрели на него.

— Сам плыви.

— Я бы поплыл.

— Ты сейчас и по земле прямо пройти не можешь.

— Земля качается.

— Это ты качаешься.

Арен затянул пояс на штанах.

— До дальних венков и обратно. Кто первым вернётся, тот победил.

— Свечи руками не хватать, — крикнула с берега Альна.

— Почему?

— Потому что вы и без ожогов не особенно умные.

Парни вошли в воду с криками и брызгами.

Тарва у берега ещё хранила дневное тепло. Арен нырнул, вынырнул дальше остальных и поплыл широкими сильными гребками.

Он хорошо держался на воде. Летом часто переправлял лошадей через мелкие рукава реки, а в детстве проводил в Тарве столько времени, что отец начинал подозревать у сына наличие жабр.

Арен быстро обогнал друзей.

Слышал за спиной плеск, смех, ругань. Кто-то попытался схватить его за ногу и получил пяткой в плечо.

Он доплыл до дальнего венка и уже собирался повернуть обратно, когда заметил впереди ещё один огонёк.

Кривоватый венок с жёлтыми цветами и двумя оставшимися васильками.

Венок Альны.

Арен улыбнулся и поплыл дальше.

Он решил принести его обратно. Альна будет ворчать, что он сделал это слишком поздно, но всё равно обрадуется. Возможно, перестанет смотреть на него так, словно он что-то забыл.

Расстояние до венка не уменьшалось.

Арен плыл быстрее.

Огонёк уходил дальше.

Шум за спиной стих.

Сначала Арен не придавал этому значения. Река глушила звуки, а люди могли снова начать петь.

Потом исчезла музыка.

Арен остановился.

Вода тихо колыхалась вокруг плеч.

Он слышал только собственное дыхание.

Ни смеха, ни голосов, ни треска костров.

Будто Велин отодвинулся не на сотню шагов, а на много дней пути.

Арен оглянулся.

Огни поселения были далеко. Люди на берегу превратились в маленькие тёмные фигуры.

Он не мог заплывать настолько быстро.

Вода стала ледяной — не прохладной, какой бывает река ночью.

Холод поднялся из глубины, обвился вокруг ног и пополз вверх. Мышцы свело.

Венок Альны исчез.

Перед ним лежала пустая чёрная вода.

Арен повернулся к противоположному берегу.

Тот был ближе, чем должен.

Он различал мокрый песок, длинные ветви ив и тёмную стену травы.

И девушку.

Она стояла у самой кромки воды.

Сначала Арэн решил, что её одежда — часть берега. Глубокий зелёный цвет растворялся в ночи, сливался с травой и тенями под ивами.

Потом девушка немного повернула голову.

Она была высокой — выше большинства женщин Велина. Тонкая, прямая, с тем особенным спокойствием в осанке, которое не имело ничего общего с робостью.

Ткань мягко обрисовывала её фигуру и свободными складками ниспадала почти до земли. Одежда была простой — без золота, бус и яркой вышивки, — но покрой казался незнакомым: длинные узкие рукава закрывали запястья, ворот поднимался вдоль шеи, ткань перекрещивалась на груди и удерживалась тонким поясом.

Так в Велине не одевались.

Ни в Велине, ни в землях, откуда приезжали торговцы.

Цвет одежды менялся вместе с водой: от тёмной зелени, почти чёрной, до серебристо-серой.

Волосы свободно падали на плечи и спину, тяжёлыми волнами спускаясь почти до талии.

Тёмно-рыжие.

Медные.

Даже в темноте они сохраняли цвет, словно где-то внутри оставался слабый свет.

Лицо было бледным — странно бледным для середины лета, будто девушка много лет не выходила днём из дома.

Высокие скулы придавали лицу отстранённый, почти строгий вид. Губы оставались спокойными, без тени улыбки. Длинные пальцы едва касались тёмной ткани.

И глаза.

С такого расстояния Арен не мог различить их цвет.
И всё же знал совершенно точно: они были зелёными.

Тёмная зелень, пронизанная крошечными искрами, как вода, в которой отражаются звёзды.

Она смотрела прямо на него — без смущения, страха и даже удивления.

Так не смотрела бы девушка, случайно увидевшая незнакомого мужчину в реке посреди ночи.

Она смотрела так, будто это он оказался по ту сторону запертой границы — там, где не должен был быть.

Арен забыл о холоде, друзьях и о том, что нужно двигаться, чтобы не уйти под воду.

Ему показалось, что он уже видел её прежде — не в Велине и не на дороге, а во сне, исчезнувшем сразу после пробуждения и оставившем тоску по чему-то никогда не существовавшему.

Её красота не была похожа на красоту Альны — тёплую, понятную, обещавшую дом и жизнь рядом.

В незнакомке ничто не обещало спокойствия.

Она была красивой так, как бывает красива зимняя река: настолько, что человек делает шаг ближе, уже понимая, чем это может закончиться.

Арен открыл рот.

Он не знал, о чём спросить прежде.

Как её зовут?

Откуда она пришла?

Почему стоит одна на чужом берегу?

Почему он никогда не видел её прежде?

Девушка заговорила первой.

Её голос был негромким, но легко прошёл над водой:

— Возвращайся.

Всего одно слово.

Холодное — не просьба и не предупреждение, а приказ.

Тарва пришла в движение.

Течение ударило Арена сбоку. Он попытался удержаться, но вода развернула его и потянула прочь от дальнего берега.

— Подожди! — крикнул он.

Девушка не ответила.

Тёмно-зелёная ткань колыхнулась возле её ног, хотя ветви ив оставались неподвижными.

Арен попытался плыть к ней.

Руки словно налились тяжестью. Каждый гребок уносил назад. Река не бросала его резко и не топила — просто не позволяла приблизиться.

— Кто ты?

Девушка смотрела на него.

В её лице что-то изменилось — не тепло, скорее усталость, такая глубокая, что Арен ощутил её даже через воду.

Потом течение усилилось.

Что-то коснулось его ноги.

Холодные пальцы обхватили щиколотку.

Арен дёрнулся и ушёл под воду.

В глубине не было света, и всё же бледные лица проступили из черноты так ясно, словно светились сами.

Девушки. Молодые женщины в светлых рубахах, похожих на свадебные.

Длинные волосы плавали вокруг голов, смешиваясь с речной травой. На шеях темнели бусы, на запястьях — красные нити, размокшие и почти чёрные.

У одной на голове держался неровный венок с жёлтыми цветами и двумя васильками.

На миг Арену показалось, что это венок Альны.

Утопленница улыбнулась.

Из приоткрытого рта поднялись пузырьки воздуха.

Другая схватила Арена за руку, третья обвила пальцами его пояс. Их прикосновения были осторожными, почти ласковыми.

Они будто не топили его.

Звали.

Останься.

Слова не прозвучали, но он услышал их внутри головы.

Останься с нами.

Арен ударил ногой, вырвал руку и попытался плыть вверх. Пальцы сомкнулись на запястьях, плечах, лодыжках. Чьи-то волосы скользнули по лицу.

В лёгких начало жечь.

Перед глазами снова возникла девушка на берегу.

Медные волосы.

Зелёные глаза.

Возвращайся.

Тарва подхватила его.

Холодные руки сорвались.

Течение рвануло Арена вверх, вытолкнуло на поверхность

— и ночь снова наполнилась звуками.

Он вдохнул, закашлялся, вновь ушёл под воду, но река не позволила утонуть: поддержала под спиной и понесла к Велину.

Арен почти не двигался. Тарва несла его мимо тёмных воронок, не позволяя глубине затянуть его, и мягко, но неотвратно толкала к знакомому берегу.

К берегу живых.

Там кричали люди.

В воду вошли несколько парней. Они подхватили Арена под руки и вытащили на мелководье.

Он упал на колени, кашляя и выплёвывая воду.

— Ты совсем без головы?!

— Он под воду ушёл!

— Я говорил возвращаться!

— Позовите его отца!

— Альну сюда!

Арен поднял голову. На другом берегу никого не было — только ивы, высокая трава и тёмный лес.

— Там была девушка, — выдохнул он.

— Где?

— На берегу.

Один из друзей всмотрелся через реку.

— Там никого нет.

— Была.

— Ты хлебнул воды.

— Рыбы тоже показались красивыми? — попытался пошутить другой, но голос у него дрожал.

Арен не ответил.

Альна опустилаcь рядом.

Лицо у неё побелело, веснушки резко проступили на коже. Альна сняла с плеч тёплый платок и набросила ему на спину.

— Ты ледяной.

Её ладони были горячими и знакомыми.

Арен посмотрел на неё.

Альна что-то говорила — сердилась, спрашивала, где болит, ругала его за глупость. Он видел движение губ, складку между бровями, выбившиеся из косы пряди.

Но слышал другой голос.

Возвращайся.

— Арен, посмотри на меня.

Он заставил себя сосредоточиться.

— Я смотрю.

— Нет. Не смотришь.

— Всё хорошо.

— Ты едва не утонул.

— Не утонул же.

— Это должно меня утешить?

Арен попытался улыбнуться, но не смог.

Альна крепче сжала платок у него на груди.

— Что ты увидел?

Он снова посмотрел на дальний берег.

— Не знаю.

Это была не первая ложь, сказанная им Альне в ту ночь.

Но первая, отделившая его от неё.

Купальский праздник продолжился, хотя прежнего веселья уже не было.

Старшие отогнали молодёжь от воды. Музыканты снова заиграли, но песни звучали неуверенно. Люди говорили, что Арен попал в холодное течение, его схватила судорога или мёд оказался слишком крепким.

Некоторые шептали о речных невестах.

Другие советовали им замолчать, пока Тарва не услышала.

Арен сидел возле костра, завернувшись в платок Альны. Его трясло, хотя одежда почти высохла от жара.

Друзья пытались его рассмешить.

Кто-то принёс горячий отвар. Отец пришёл из конюшен, осмотрел сына с ног до головы и, убедившись, что тот жив, обозвал его всеми словами, которые обычно берегли для особенно упрямых жеребцов.

Арен отвечал, кивал, даже усмехался — и всё время смот-

рел за реку.

Ему казалось, что между ивами движется тёмно-зелёная тень.

Когда костры начали гаснуть, Альна проводила его домой.

Они шли по тихим улицам. Возле домов ещё горели светильники, в садах пахло травой и дымом. Где-то плакал уставший ребёнок. Где-то мужчина убеждал жену, что совсем не пьян, хотя говорил это, держась за забор обеими руками.

Альна шла рядом, не отпуская локоть Арена.

— Завтра ты останешься дома, — сказала она.

— У меня работа.

— Работа переживёт один день.

— Лошади не согласятся.

— Я поговорю с ними.

— Они тебя боятся.

— Правильно делают.

Несколько шагов они прошли молча.

У ворот дома Альны она остановилась.

— Ты действительно видел девушку?

Арен помедлил.

В темноте глаза Альны казались почти зелёными — но не такими. Совсем не такими.

— Наверное, — сказал он.

— Ты её знаешь?

— Нет.

— Она звала тебя?

Арен вспомнил холодный голос.

— Наоборот.

Альна ждала продолжения.

Он не дал его.

Она отпустила его руку.

— Иди домой.

— Альна...

— Я не сержусь.

По тому, как она это сказала, Арэн понял, что сердилась она меньше всего.

Ей было страшно.

Он коснулся её плеча.

— Всё хорошо.

Альна долго и внимательно смотрела на него.

— Ты уже говорил.

Она вошла во двор и закрыла ворота.

Арен остался один.

Домой он не пошёл.

Вместо этого поднялся на холм, откуда была видна Тарва.

Река лежала между берегами длинной чёрной полосой. Последние купальские огни плыли по течению. Большинство свечей уже погасло.

На дальнем берегу было темно.

Он стоял, пока не услышал первых утренних птиц.

Пытался убедить себя, что видел обычную девушку —

путницу, сборщицу трав, дочь человека, живущего в лесу. Пытался вспомнить лица утопленниц и испугаться. Пытался думать о том, что едва не умер.

Но страх отступал всякий раз, когда перед глазами возникали медные волосы и зелёные глаза.

Он не знал её имени.

Не знал, существовала ли она на самом деле.

Не знал, увидит ли её снова.

И именно последняя мысль причиняла ему боль.

Лишь тогда Арен заметил, что всё это время держал правую руку сжатой.

Он разжал пальцы.

На ладони лежал узкий тёмно-зелёный лист с серебристой изнанкой.

Такой же, какой он снял с груди испуганного жеребца.

Арен не помнил, чтобы поднимал его.

Не помнил, чтобы касался берега или чего-либо, что принадлежало девушке.

Он поднёс лист к лицу.

Тот пах холодной водой и чем-то горьким, почти металлическим.

На дальнем берегу между ивами вспыхнул зелёный огонь и тут же погас.

Арен ещё долго смотрел в темноту.

Больше всего его пугало не то, что в Тарве кто-то пытался утащить его на дно.

Больше всего его пугало, что он хотел вернуться.

Глава вторая

Тот, кого вернули

Когда Тарва унесла юношу к берегу живых, тишина вернулась не сразу.

Сперва над водой ещё дрожал его голос:

— Кто ты?

Вопрос прокатился между берегами, коснулся низких ветвей ив и растворился среди деревьев. Ему следовало исчезнуть, как исчезали сотни человеческих слов, сказанных над рекой: просьбы, угрозы, признания и клятвы, о которых люди жалели ещё прежде, чем успевали договорить.

Но этот вопрос не исчез.

Вода удержала его.

Девушка в зелёном стояла у самой кромки берега и смотрела, как Тарва несёт юношу прочь. Его тело казалось тёмным пятном среди чёрной воды. Несколько раз он уходил под поверхность, но река всякий раз поднимала его, поддерживала под спиной и направляла к далёким огням Велина.

Там уже кричали.

Люди бежали вдоль берега, входили в воду и протягивали руки. Их голоса смешивались с плеском, музыкой и треском догорающих костров.

Девушка различала каждый звук.

Она услышала, как кто-то назвал его по имени.

Арен.

Тарва дрогнула под её ногами.

Совсем слабо — обычный человек не заметил бы. По воде прошла рябь, хотя ветра не было.

Девушка опустила взгляд на воду.

— Ты его знаешь, — произнесла она.

Река не ответила.

Она никогда не отвечала так, как отвечают люди.

Вместо ответа течение ускорилося. Вода подхватила остатки купальских венков, закружила огоньки и понесла их вдоль дальнего берега. Один венок прибило к песку у ног девушки.

Неровный, стянутый слишком туго. Жёлтые цветы, два василька и короткая лента, потемневшая от воды.

Свеча продолжала гореть.

Девушка наклонилась, но не коснулась венка.

Под водой шевельнулось бледное лицо.

Венок приподнялся, и следом за ним из Тарвы показалась женская голова. Мокрые волосы облепили щёки, между губами застряла тонкая речная трава. Утопленница в свадебной рубаше поднялась из воды по грудь и улыбнулась.

За её спиной появились другие.

Одна.

Вторая.

Третья.

Речные невесты выходили из глубины бесшумно. Свет свечи скользил по их лицам — одинаково молодым и давно

тронутым водой. На шеях темнели бусы. На запястьях висели размокшие красные нити. Светлые рубахи колыхались вокруг тел, хотя течение у берега почти остановилось.

Первая невеста положила ладонь на песок.

— Лайна, назад, — сказала девушка в зелёном.

Улыбка утопленницы стала шире.

— Он слышал нас.

Голос выходил из её груди вместе с водой. Казалось, слова произносят сразу несколько женщин — молодые и старые, испуганные и смеющиеся.

— Вы позвали не того.

— Он откликнулся.

— Он боролся.

— Живые всегда борются.

Лайна перенесла вторую руку на берег и стала вытягивать тело из воды.

Девушка в зелёном не повысила голоса:

— Я сказала: назад.

Тарва у берега потемнела.

Огонёк в венке вытянулся, стал зеленоватым и погас.

Утопленница замерла.

В её лице мелькнуло что-то почти человеческое: обида, страх или воспоминание о них.

— Он почти наш, — прошептала она.

— Нет.

— Его имя лежит на дне.

Девушка посмотрела туда, где люди вытаскивали Арена на берег. Его окружили друзья. Рядом опустилась на колени молодая женщина с каштановой косой и набросила ему на плечи платок.

Даже через всю ширину Тарвы было видно её страх.

Не тот шумный страх, который заставляет людей кричать и хвататься за голову. Другой — тихий, уже пустивший корни. Девушка держала Арена за плечи, что-то говорила ему и заставляла смотреть на себя.

Между ними тянулась тонкая красная нить.

Она начиналась у груди женщины и уходила под мокрую рубаху Арена — тёплая, ровная, крепко завязанная.

Но над водой её цвет менялся.

В красных волокнах мерцала тёмная зелень.

Девушка в зелёном отвела взгляд.

— Он живой.

Лайна тихо рассмеялась.

— Пока.

Остальные подхватили её смех. Плеск прошёл вдоль берега, словно в воду одновременно бросили горсть мелких камней.

— Назад, — в третий раз произнесла девушка.

Теперь в её голосе прозвучало нечто, от чего ветви старых ив задрожали без ветра.

Невесты перестали улыбаться.

Лайна убрала руки с песка. Её пальцы оставили на берегу

десять длинных влажных следов.

— Ты отпустила его, — сказала она.

— Тарва отпустила.

— Ты могла удержать.

Девушка ничего не ответила.

Утопленница склонила голову набок.

— Он смотрел на тебя.

Под рёбрами болезненно дрогнуло.

Такого не должно было происходить.

Она слишком давно не позволяла живым касаться себя глубже, чем вода касается камня. Люди видели в ней то, что хотели: погибшую дочь, далёкую возлюбленную, лесную тень, предвестницу смерти.

Иногда не видели вовсе.

Арен смотрел иначе.

Не сквозь неё.

На неё.

— В глубину, — сказала девушка.

Лайна ещё немного наблюдала за ней, словно надеялась услышать продолжение.

Потом погрузилась в воду.

Следом исчезли остальные. Светлые рубахи растворились в черноте, лица побледнели и ушли вниз. Последними скрылись волосы, похожие на длинные водоросли.

Течение снова коснулось берега.

Венок с жёлтыми цветами остался лежать на песке.

Девушка подняла его.

Трава была холодной. Лепестки размокли, но не осыпались. На ленте сохранилось тепло человеческих рук.

Венок принадлежал женщине, которая держала Арена на другом берегу.

Девушка не знала её имени.

Но видела нить.

Старшие женщины Велина любили красную нить.

Ею отмечали родовые рушники, связывали свадебные полотна и завязывали защитные узлы над дверями — словно человеческую судьбу можно было удержать несколькими стежками.

Иногда получалось.

Ненадолго.

Девушка положила венок обратно на воду. Тарва приняла его и понесла вдоль берега — не к Велину, а туда, где река скрывалась за лесным поворотом.

Туда уходило всё, чему не следовало возвращаться.

На другом берегу праздник продолжался.

Музыканты снова пытались играть. Мужчины громко обсуждали случившееся, перебивая друг друга. Кто-то смеялся слишком усердно, будто хотел убедить себя и остальных, что бояться нечего.

Арен сидел возле костра.

Ему следовало смотреть на друзей. На отца, который склонился над ним и сердито размахивал руками. На женщину,

оставшуюся рядом.

Но он смотрел через реку.

В темноту.

Девушка отступила под ивы.

Её одежда слилась с травой и тенями. Теперь с противоположного берега нельзя было различить даже силуэт.

Арен продолжал смотреть.

Она знала, что он не видит её.

И всё же не ушла.

• • •

Последние огни Велина гасли долго.

Люди расходились по домам, уносили детей, собирали со столов кувшины и недоеденный хлеб. Самых хмельных вели под руки. Один мужчина несколько раз пытался доказать жене, что способен идти сам, после чего уверенно направился в чужой двор.

За рекой раздался женский смех.

Девушка в зелёном стояла под ивой и слушала, как поселение возвращается к обычной жизни.

Скоро над крышами останется лишь печной дым. К утру женщины выйдут собирать посуду, мужчины станут разбирать остатки костров, дети отправятся искать в траве оброненные ленты и монеты.

Живые умели быстро исправлять беспорядок, который устраивали сами.

С последствиями чужого вмешательства было сложнее.

Девушка пошла вдоль берега.

Купальская ночь ещё не закончилась. Пока в Велине догорал последний костёр, граница оставалась тонкой: мёртвые слышали музыку живых, а живые видели во сне тех, кого давно похоронили.

Оставлять Тарву без присмотра было опасно.

Особенно теперь.

Под старой ивой девушка остановилась.

Её корни глубоко уходили в воду, а ветви свисали почти до земли. Вокруг ствола густо рос серебролист — тёмно-зелёный, с длинными узкими листьями и серебристой изнанкой.

Он держал берег.

Корни переплетались под песком, спускались по склону и уходили в русло, отмечая место, где один мир заканчивался, а другой ещё не начинался.

В ночь Купалы тонкие подводные побеги серебролиста вытягивались дальше обычного.

Девушка опустилась на колени.

На одном из стеблей не хватало листа.

Чуть ниже отсутствовал ещё один.

Первый обрыв уже затягивался серебристой плёнкой. Второй оставался свежим; на нём темнела капля крови.

Девушка коснулась её кончиком пальца.

В висках вспыхнуло чужое воспоминание.

Испуганный жеребец рвался сквозь туман. Грудью он за-

дел кусты возле старого брода. Лист остался на шерсти, а позднее тёплая мужская ладонь сняла его возле загона.

Лист попал на берег живых, но ненадолго. Оставленный на деревянной перекладине, он побледнел, рассыпался серебристой пылью и с ветром вернулся к реке.

Затем воспоминание изменилось.

Чёрная вода.

Белые руки речных невест.

Арен уходил под поверхность, отбивался, пытался найти опору. Пальцы скользнули по мокрому корню и сомкнулись на тонком подводном побеге.

Стебель рассёк ему ладонь.

Арен дёрнул руку на себя.

Лист оторвался.

В тот же миг Тарва подхватила его и понесла к Велину.

Девушка убрала палец.

Теперь она понимала, как лист оказался у Арена.

Не понимала другого.

Он должен был рассыпаться, стоило пересечь середину реки.

Но кровь Арена проникла в серебристые прожилки, и серебролист не признал её чужой.

Такого прежде не происходило.

Серебролист отличал живых от мёртвых, дальний берег от ближнего, дозволенное от запретного.

Ошибиться он не мог.

— Что ты в нём признал? — тихо спросила девушка.

Тарва перебирала камни под корнями ивы.

Из глубины поднялся шёпот:

Арен.

Девушка резко выпрямилась.

— Не называй его.

Река продолжала говорить его имя.

То справа.

То слева.

То совсем близко, у самых корней.

Арен.

Арен.

Будто река пробовала давно знакомое слово.

Где-то в лесу треснула ветка.

Девушка не обернулась.

— Выходи, Роен.

Некоторое время ничего не происходило.

Потом между деревьями показалась маленькая фигура.

Сначала его можно было принять за ребёнка — худого, сутулого, с непокрытой головой. Но двигался он слишком медленно. Руки почти касались земли, пальцы были длинными и тёмными, как молодые корни.

Роен остановился между стволами.

Лица у него не было.

Под гладкой серой кожей проступали слабые очертания, будто кто-то пытался вылепить человеческие черты, но за-

был, как они должны выглядеть.

— Он видел тебя, — произнёс Роен.

Голос исходил не от него: слова шуршали в листве над головой.

— Ты наблюдал?

— Все наблюдали.

— Я велела вам не подходить к Тарве в эту ночь.

— Мы не подходили.

Роен склонил голову.

— Он подошёл.

— Он не ступал на берег.

— Не весь.

Девушка посмотрела на него.

— Говори ясно.

Под серой кожей обозначились глаза и тут же снова исчезли.

— Ты слишком долго слушаешь живых. Уже хочешь, чтобы у всего было только одно значение.

Девушка протянула руку.

Тени между деревьями сгустились. Тонкие ветви потянулись к Роену и обвилились вокруг его запястий.

— Я могу оставить тебя под корнями до следующего разлива.

— Можешь.

Он не сопротивлялся.

— Но тогда не узнаешь, почему Тарва назвала его дважды.

Девушка замерла.

Листья над головой перестали шелестеть.

— Дважды?

— Один раз — когда несла к живым.

Роен повернул гладкую голову к реке.

— Второй — когда звала обратно.

Тени ослабли.

Роен легко высвободил руки.

— Она не звала его обратно.

— Тогда почему его кровь оказалась не чужой для даль-
него берега?

Девушка ничего не ответила.

Роен отступил к деревьям.

— Он вернётся.

— Нет.

— Живые всегда возвращаются туда, где едва не умерли.

Хотят доказать, что смерть ошиблась.

— Он забудет.

— Тебя?

Под серой кожей проступила улыбка — слишком широ-
кая.

И сразу исчезла.

— Или себя?

Девушка шагнула вперёд, но Роен уже скрылся среди де-
ревьев. Только ветви ещё некоторое время покачивались
там, где он прошёл.

Она осталась одна возле старой ивы.
В Велине погас последний костёр.
Купальская ночь закончилась.
Граница должна была стать плотнее.
Но не стала.

• • •

До рассвета оставалось совсем немного, когда из леса пришла первая умершая.

Это была невысокая пожилая женщина в тёмной рубахе. Подол испачкала земля, из-под красного платка выбивались седые пряди. Женщина шла быстро, почти сердито, но время от времени останавливалась и оглядывалась, словно не могла решить, правильно ли выбрала дорогу.

В правой руке женщина сжимала деревянную ложку.
Девушка увидела её ещё между дальними деревьями.
— Мейна, стой.

Старуха вздрогнула.

— Мы знакомы?

— Теперь да.

— Не припомню.

— Скоро это перестанет иметь значение.

Мейна сощурилась, разглядывая девушку в зелёном.

— Не люблю, когда со мной говорят загадками. В Велине от них и без тебя пользы мало.

Она попыталась пройти мимо.

Девушка встала на её пути.

— Ты заблудилась.

— Ничего подобного. Я домой иду.

Мейна указала ложкой на противоположный берег.

— Верхняя улица. Третий дом после колодца. У ворот ещё колесо прислонено — зять второй месяц обещает починить и всё никак не соберётся.

— Твой дом не там.

— Мне лучше знать, где мой дом.

— Он был твоим.

Мейна посмотрела на неё сердито.

— Нира одна осталась. Мальчик у неё слабенький, всё плачет. А муж её, Тевен, хороший человек, но пользы от хорошего человека возле младенца примерно как от нового топора в колыбели.

У девушки едва заметно приподнялась бровь.

— Он держит ребёнка.

— Уронит.

— Не уронит.

— Ты его плохо знаешь.

— А ты больше не можешь ему помочь.

Мейна сжала ложку.

— Я могу сварить Нире отвар. Могу уложить мальчика. Могу объяснить Тевену, с какого конца держат ребёнка.

— Нет.

— Что значит — нет?

— Ты умерла.

Старуха замерла.

На мгновение её лицо стало совершенно пустым.

Потом она фыркнула:

— Глупости.

— Мейна.

— Я только прилегла возле печи.

— И не проснулась.

— Я устала. Всю ночь с Нирой сидела.

— Ты умерла ещё до заката.

Мейна опустила взгляд на себя.

На груди тёмной рубахи проступило большое бесцветное пятно. Земля осыпалась с подола, хотя ткань не касалась почвы.

Старуха пошевелила пальцами.

Ложка осталась в руке.

— Значит, я всё-таки не доварила кашу, — прошептала она.

За рекой заплакал младенец.

Мейна вскинула голову.

— Слышишь?

— Слышу.

— Он меня зовёт.

— Он голоден.

— Это почти одно и то же.

Мейна шагнула к воде.

Девушка преградила ей дорогу.

— Нельзя.

— Это мой внук.

— Он живой.

— Именно поэтому ему нужна я.

Старуха прижала ложку к груди.

Девушка посмотрела на неё внимательнее.

Дерево потемнело от времени. Черенок был отполирован пальцами, на его конце виднелись три неглубокие зарубки.

Чаша ложки была маленькой и необычно плоской.

В дереве держалось слишком много памяти.

— Кто её сделал? — спросила девушка.

Мейна насторожилась:

— Зачем тебе?

— Ложка удерживает тебя здесь.

— Не ложка меня удерживает. Нира удерживает. И мальчик.

— Расскажи.

— Некогда мне сказки рассказывать. У меня каша на огне.

— Огонь давно погас.

Старуха дёрнулась, словно получила пощёчину.

Потом провела большим пальцем по трём зарубкам на черенке.

— Её Велан вырезал, — сказала она.

Голос стал тише.

— Муж мой. Когда Нире было четыре зимы, она заболела. Жар такой стоял, что волосы на голове были мокрыми, а сама

она дрожала. Ничего не ела. Воду выпьет — и ту обратно.

Мейна посмотрела на ложку.

— Велан тогда три дня возле неё сидел. Руки у него для такой работы были слишком большие, всё говорил, что ложка выйдет кривая. А сам вырезал маленькую, плоскую, чтобы по капле давать отвар. И эти зарубки сделал.

Она коснулась первой.

— За первый день, когда жар не ушёл.

Второй.

— За второй, когда она глаза открыла.

Третий.

— За третий, когда попросила хлеба.

На лице Мейны появилась короткая, упрямая улыбка.

— Этой ложкой мы её и выходили.

Девушка молчала.

— Велан давно умер, — продолжила старуха. — А ложку я оставила. Нира выросла, вышла замуж. Когда мальчик родился, я снова её достала. Подумала: раз однажды ребёнка удержала, и теперь удержит.

— Поэтому ты умерла с ней в руке.

— Я кашу мешала.

— Ты держала не кашу.

Мейна подняла на неё глаза.

— А что?

— День, когда спасла дочь.

Старуха сжала губы.

— Она была маленькая.

— Теперь она взрослая.

— Для матери это ничего не меняет.

— Меняет для мёртвой.

Мейна шагнула назад.

— Не называй меня так.

— Ложка привела тебя не к Нире, а к памяти о том дне, когда ты была ей необходима.

— Я и сейчас необходима.

— Нет.

— Ты не знаешь.

— Знаю.

Девушка протянула руку к ложке, но Мейна прижала её к груди.

— Не трогай.

— Ты не сможешь перейти, пока держишь её.

— Тогда не перейду.

— Останешься у Тарвы. Каждую ночь будешь слышать плач ребёнка и никогда не сможешь взять его на руки.

Мейна побледнела.

— Я смогу перейти реку.

— Один раз.

— И что?

— Войдёшь в дом. Нира увидит тебя такой, какой помнит, обрадуется и позовёт по имени.

Старуха слушала, не дыша.

— Потом ты попросишь поддержать ребёнка. Она даст его тебе. Ты возьмёшь мальчика и впервые почувствуешь тепло.

Мейна закрыла глаза.

— А после?

— После начнёшь забирать его.

Старуха резко открыла глаза.

— Я никогда...

— Не по своей воле. Мёртвые не могут согреваться сами: они берут тепло у живых. Сначала понемногу. Потом всё больше.

Мейна посмотрела через реку.

В одном из домов Велина горел слабый свет. В окне появилась женщина с распущенными волосами. Она ходила по комнате, прижимая к груди младенца. Рядом неуклюже сел высокий мужчина с пелёнкой в руках.

— Тевен держит её не той стороной, — пробормотала Мейна.

— Нира поправит.

— Она сама едва стоит.

— Утром придут соседки.

— Какие?

— Илвина мать уже приготовила отвар. Старая Хейна принесёт молоко. Тевен трижды уронит пелёнку, но ребёнка не уронит.

Мейна всхлипнула.

— Он хороший.

— Ты сама сказала.

— Но бесполезный.

— Это проходит быстрее, чем смерть.

Из старухи вырвался короткий смешок.

Он сразу превратился в рыдание.

Мейна опустила голову. Слезы не текли по её щекам — вместо этого по поверхности Тарвы расходились маленькие круги.

Девушка ждала.

— Они забудут меня? — спросила Мейна.

— Не сразу.

— А потом?

— Потом будут помнить не всё.

— Что останется?

Девушка посмотрела на Велин.

Она видела верхнюю улицу, третий дом после колодца и колесо возле ворот. Ниру у печи. Тевена, который пытался укачать ребёнка и делал это слишком быстро. Соседских детей, однажды пробравшихся в дом Мейны за пирогами. Лавку, на которой старуха каждый вечер чистила грибы и ругала проходивших мимо мальчишек за грязные сапоги.

— Нира будет помнить, как ты не позволяла ей работать во время грозы, — сказала девушка. — Тевен — как ты каждый раз называла его хорошим человеком таким голосом, будто это тяжёлый недостаток. Дети запомнят твои пироги и то, что ты всегда знала, кто разбил окно, даже когда не ви-

дела.

Мейна тихо фыркнула.

— Я видела.

— Они были уверены в обратном.

— Глупые.

— Ещё будут помнить эту ложку.

Старуха посмотрела на неё.

— Если ты её отпустишь.

— Можно оставить Нире?

— Нет. Она перешла вместе с тобой. Если вернуть её в дом сейчас, ложка станет звать тебя обратно.

— А если утопить?

— Память останется. Зов исчезнет.

Мейна долго молчала.

Потом поднесла ложку к губам и коснулась её лбом.

— Велан сердиться будет.

— Он давно ждёт тебя.

Старуха замерла.

— Он там?

— Не здесь.

— Всё такой же упрямый?

— Мёртвые редко меняются так сильно, как надеются живые.

Мейна усмехнулась сквозь слёзы.

Затем протянула ложку.

Девушка приняла её обеими руками.

Дерево оказалось тёплым. Перед глазами вспыхнула тесная изба: мужчина с большими руками склонился над куском ольхи, маленькая девочка горела в жару, а молодая Мейна держала её за плечи.

Потом воспоминание погасло.

Девушка опустила ложку в Тарву.

Та не поплыла.

Вода сомкнулась над деревом, три зарубки вспыхнули серебром, и ложка ушла на дно.

Мейна вскрикнула, но не потянулась следом.

На её лице появилось удивление.

— Тише стало, — прошептала она.

— Да.

— Я больше не слышу кашу.

— Потому что её нет.

— А мальчика слышу.

— Скоро перестанешь.

Мейна посмотрела через реку в последний раз.

— Его Рином назвали, — сказала она. — Скажи реке, чтобы не звала его прежде срока.

— Тарва уже слышала его имя.

— Тогда пусть запомнит хорошо.

Девушка протянула ладонь.

После недолгого колебания Мейна вложила в неё свою руку.

Они пошли вдоль берега.

С каждым шагом старуха становилась прозрачнее. Земля исчезла с подола, платок потерял цвет. Возле поворота Тарвы Мейна остановилась.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Девушка посмотрела на неё.

— Тебе это больше не понадобится.

— Может, я хочу знать, кто не пустил меня домой.

— Когда встретишь Велана, тебе будет о чём говорить и без меня.

— Это верно.

Мейна улыбнулась.

Теперь она выглядела моложе. Не девушкой, но женщиной, которая ещё не знала, что однажды будет стоять у реки с деревянной ложкой и спорить со смертью.

— Всё равно спасибо, — сказала она. — Хотя разговариваешь ты неприятно.

— Мне говорили.

Туман поднялся из воды и скрыл старуху.

Когда он рассеялся, на берегу остались только влажные следы.

Через мгновение исчезли и они.

• • •

Небо над Велином начинало светлеть.

На ближнем берегу Арен поднялся на холм.

Он пришёл один. Без друзей, без отца и без женщины с красной нитью. Остановился среди высокой травы и долго

смотрел через реку.

Девушка стояла в тени ив.

Теперь он не мог её видеть. С первыми лучами рассвета всё, что принадлежало границе, снова скрывалось от человеческих глаз.

Но Арен смотрел именно в то место, где она находилась. Будто знал.

Его правая рука была сжата.

На ладони оставался узкий порез от подводного стебля. Внутри кулака лежал серебристый лист, напитанный его кровью.

Она должна была забрать лист прежде, чем солнце поднимется над деревьями.

Должна была заставить Арена забыть эту ночь, девушку на дальнем берегу и голос, приказавший ему вернуться.

Так было правильно.

Так она поступала прежде.

Но Тарва продолжала тихо повторять его имя.

Арен.

Арен.

Арен.

Девушка закрыла глаза.

Перед ней снова возник его взгляд.

Живой, растерянный, слишком прямой.

«Кто ты?»

Она давно не помнила, когда человек в последний раз

спрашивал об этом не из страха и не перед смертью.

По поверхности реки прошла тонкая зелёная рябь.

Из глубины донёсся голос Лайны:

— Он вернётся, Эйра.

Девушка открыла глаза.

На другом берегу Арэн разжал ладонь и посмотрел на серебристый лист.

Эйра стояла неподвижно, пока солнце поднималось над Велином.

— Не должен, — сказала она.

Но Тарва уже несла его имя обратно.

Глава третья

Дальний берег молчит

До рассвета Арэн трижды решил, что пора идти домой.

Первый раз — когда на дальнем берегу погас зелёный огонь.

Второй — когда над лугом прокричала первая птица, а сырой холод пробрался под мокрую рубаху.

Третий — уже на краю холма, повернув к дороге.

После этого он спустился к реке.

Над Тарвой лежал туман. Он стелился низко, скрывал середину русла, и казалось, будто дальний берег оторвался от земли и повис в молочной пустоте. Из неё выступали только вершины ив — тёмные и неподвижные.

Арэн остановился на холме.

Несколько часов назад отсюда были видны костры, столы

и люди в праздничных рубахах. Теперь примятая трава поблёскивала росой, а возле погасших кострищ валялись обгоревшие ветки и забытая кем-то лента.

Тарва выглядела обыкновенно.

Это злило.

Арен спустился ближе к воде.

На дальнем берегу никого не было.

Он обошёл несколько кустов, хотя понимал, насколько бессмысленно искать следы человека через широкую реку. Потом остановился напротив старой ивы и долго смотрел туда, где ночью стояла девушка.

Память услужливо вернула подробности.

Высокий ворот тёмно-зелёной одежды. Узкие рукава. Медные волосы, почти чёрные, пока по ним не скользнул огонь. Бледная кожа, высокие скулы.

И глаза.

Зелёные, с золотыми искрами.

Арен провёл ладонью по лицу.

Он видел её всего несколько мгновений. За это время невозможно было запомнить столько.

Значит, либо смотрел дольше, чем ему казалось, либо часть воспоминаний придумал уже потом.

Эта мысль была почти утешительной.

Он посмотрел на правую руку.

По ладони тянулся тонкий порез. Кожа вокруг ныла, но не распухла. Рана выглядела обыкновенно, если не считать

слишком ровных краёв.

Арен полез за пояс и достал лист.

Тёмно-зелёный, длинный, с серебристой изнанкой. За ночь он не высох и не свернулся; только капля крови на остром конце стала бурой.

Это тоже ничего не доказывало.

Под водой росло множество трав. Какой-нибудь побег мог зацепиться за рубашку, а Арен — сорвать лист, пока отбивался от корней.

Или от рук.

В памяти снова прозвучал женский смех — далёкий и близкий одновременно. Пальцы сомкнулись на щиколотке. Под водой мелькнуло белое лицо и венки, запутавшийся в мокрых волосах.

Арен сжал лист.

Холод прошёл сквозь пальцы.

Он разжал пальцы.

На дальнем берегу дрогнула ветвь.

Арен вскинул голову.

Между ивами мелькнуло что-то тёмное.

Он сделал шаг к воде.

Из тумана вылетела большая серая птица. Скользнула над рекой, едва не задев крылом поверхность, и скрылась выше по течению.

Арен выругался себе под нос.

Ему было двадцать четыре года. Он с детства плавал в

Тарве, ночевал в лесу, ловил сорвавшихся лошадей и однажды прошёл четыре версты со сломанной ключицей.

А теперь стоял у воды и принимал птицу за женщину.

— Хорошо хоть не разделся.

Голос отца раздался за спиной.

Арен спрятал лист за пояс и обернулся.

Велар спускался с холма, опираясь на длинную палку. Сам называл её посохом, хотя Арен помнил день, когда отец подобрал дерево возле старого сарая и решил, что выбрасывать хорошую вещь жалко.

— Зачем мне раздеваться? — спросил Арен.

— Не знаю. Ночью ты полез в реку одетым. Решил, что сегодня попробуешь иначе.

Велар остановился рядом.

Он был ниже сына, но шире в груди. Седина уже тронула волосы, а старая травма заставляла сильнее опираться на левую ногу. При этом любой, кто видел Велара впервые, понимал: стареть тот собирался медленно и с большим неудовольствием.

Отец посмотрел на воду.

— Нашёл?

— Что?

— То, ради чего ты не вернулся домой.

— Я прогуляться вышел.

— Значит, не нашёл.

Арен отвернулся к Тарве.

— Ты видел вчера кого-нибудь на другом берегу?

Велар помолчал.

— Деревья.

— Кроме деревьев.

— В темноте?

— Да.

— С такого расстояния?

— Я видел.

— Я не спорю.

— Ты сейчас именно это делаешь.

— Нет. Пытаюсь понять, почему мой сын с утра стоит у реки в мокрой рубашке и задаёт вопросы, будто потерял здесь козу.

— Девушку.

— Что?

— Там была девушка.

Велар перевёл взгляд на дальний берег.

— Из Велина?

— Я бы её узнал.

— Из соседних деревень?

— Не знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь меня?

Вопрос был разумным и потому особенно раздражал.

— Вдруг ты тоже видел.

— Не видел.

Отец ответил сразу — без насмешки и долгого раздумья.

Арен всмотрелся в его лицо, пытаясь понять, не скрывается ли за коротким ответом что-то ещё.

Велар заметил.

— Не смотри так. У меня нет тайного списка девушек, которые гуляют по дальнему берегу в Купальскую ночь.

— Я просто спросил.

— А я просто ответил.

Они немного постояли молча.

Туман расплзлся над водой. На противоположном берегу проступили корни ив, тёмные пятна мокрого песка и густая трава.

Обычный берег.

— Ты спал? — спросил Велар.

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

— Когда ты был ребёнком, хотя бы пытался врать.

— Когда я был ребёнком, ты был доверчивее.

Отец хмыкнул.

— Пойдём. Килен с рассвета обещает связать молодого вороного. Летан утверждает, что в жеребца вселился лесной дух.

— Летан считает духом всё, что сильнее него.

— Тогда для него мир населён духами.

Велар повернул к дороге.

Арен задержался.

Вода тихо шуршала по камням.

Девушка не появилась.

Он сказал себе, что другого и не ожидал.

Разочарование осталось.

• • •

Конюшни Велара стояли у северного края Велина, где дома редели, а за последними огородами начинались выгоны. За длинной оградой располагались три строения: старое стойло для рабочих лошадей, отдельный сарай для кобыл с жеребьятами и большая конюшня, которую Велар достраивал столько лет, сколько Арэн себя помнил.

Каждой весной отец объявлял, что теперь всё закончено.

Каждое лето он находил ещё одну стену, которую следовало укрепить, окно, которое нужно расширить, или крышу, возведённую людьми, ничего не понимавшими в крышах.

Во дворе уже работали.

Килен выносил грязную солому. Летан тащил ведро, расплёскивая воду себе на сапоги. Из-за ограды доносился сердитый лошадиный храп.

— А вот и хозяйева, — сказал Килен. — Я начал думать, что сегодня кормить всех буду один.

— Ты начал думать? — Велар остановился. — День уже принёс больше чудес, чем Купальская ночь.

Килен не обиделся. За двадцать лет работы у Велара он научился различать настоящую ругань и утреннюю.

Летан поставил ведро.

— Вороной опять бьётся.

— Потому что ты к нему лезешь, — сказал Арен.

— Я только воду принёс.

— Для него это достаточная причина.

Они вошли в конюшню.

Внутри было прохладнее. Пахло сеном, кожей, древесной пылью и тёплым лошадиным телом. Сквозь узкие окна падали солнечные полосы, в них кружилась пыль.

Молодой жеребец метался в дальнем загоне.

Он был почти чёрным, с узкой белой отметиной на лбу и слишком длинными для своего возраста ногами. Ноздри раздувались, шея блестела от пота. Каждый раз, когда Килен приближался с верёвкой, жеребец бил копытом по перегородке.

— Уберите верёвку, — сказал Арен.

— Пока уберём, он ногу себе разобьёт.

— А если свяжем, будет биться о пол.

— Значит, крепче связать.

Арен молча посмотрел на него.

Килен вздохнул и отложил верёвку.

Арен снял с крюка недоуздок.

— Не заходи, — сказал Велар.

— Почему?

— Ты не спал.

— Он об этом не знает.

— Зато я знаю.

— Тогда стой рядом и переживай.

Арен открыл калитку загона.

Жеребец резко повернул голову.

Арен вошёл и закрыл за собой.

Он закатал рукава. Рубаха всё ещё была влажной и неприятно липла между лопатками. На предплечьях проступили следы ночных царапин.

— Спокойно, — сказал он.

Жеребец отступил.

Арен не пошёл за ним.

Он встал боком, не перегораживая дорогу, и держал недоуздок так, чтобы животное видело его руки.

— Никто тебя не держит.

Летан за перегородкой переступил с ноги на ногу.

Жеребец дёрнул ухом.

Арен сделал один шаг.

Лошадь напряглась, но не отскочила.

— Вот так.

Голос стал ниже и мягче.

С людьми Арен почти никогда так не разговаривал.

Жеребец вытянул шею, втянул воздух и осторожно шагнул навстречу.

Арен протянул левую руку.

Мягкие губы коснулись его пальцев.

— Хороший.

Арен поднял недоуздок.

В этот момент за стеной что-то грохнуло.

Жеребец вскинул голову.

Арен слишком поздно заметил, как жеребец перенёс вес.

Животное метнулось в сторону. Копыто ударило в перегородку там, где мгновение назад находилось его колено.

Арен отступил, зацепился пяткой за край кормушки и едва удержал равновесие.

Жеребец снова рванулся.

Арен схватил жеребца за гриву и прижался плечом к шее. Мышцы ходили под горячей кожей. Сильное тело потянуло его вперёд, но он упёрся ногами в солому и не отпустил.

Рубаха натянулась на спине. В предплечьях свело мышцы.

— Тихо!

Жеребец дёрнулся ещё раз.

Арен удержал.

Не силой — одной силы для такого животного всё равно не хватило бы. Он не тянул голову вниз и не пытался повалить жеребца, просто оставался рядом, не позволяя тому набрать размах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.